

ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе¹)

30-го іюля. Въ 7 часовъ меня разбудили чьи-то оживленные голоса. На канѣ около Н. В. Кр—го, еще лежавшаго въ постели, сидѣлъ генераль Грековъ и читалъ донесенія; съ другого кана насторожился М. Я сталъ прислушиваться. Японцы наступаютъ! Съ лѣваго фланга доносить полковникъ В., что посты отходятъ назадъ!

Что это? Ничтожный эпизодъ, развѣдка, начало общаго удара? Что на другихъ участкахъ? Что у сосѣдей? Быстро разливается тревожное чувство, и мучить загадка: что будетъ дальше?

Мы быстро встаемъ, кончаемъ съ туалетомъ и чаемъ въ минуту и ждемъ донесеній. Сначала генераль и К—рѣ еще не вѣрятъ въ серьезное дѣло и принимаются за диспозицію усиленной развѣдки. Но вѣстники летятъ одинъ за другимъ, генераль едва успѣваетъ читать донесенія, по двору скачутъ казаки, безъ остановки работаютъ гелиографъ и телеграфъ, наступленіе развивается все шире и шире, І—нъ доноситъ, что онъ отступилъ, открывая лѣвый флангъ отряда; заставы отходятъ, гдѣ то показалась батарея, есть раненые...

— Господа довольно! говоритъ генераль, — оставьте всю эту диспозицію, это послѣ... теперь не до того! Николай Владиміровичъ, пошлите за Ор—мъ! Конвою сѣдлатъ! Приготовить обозы!

Картина встревоженнаго штаба раскрывается съ театральной быстротой. Генераль ходитъ нервно, Николай Владиміровичъ слѣдитъ по картѣ и, какъ магазинная счетная машина, подводитъ итоги, быстро обобщая отрывочныя вѣсти и разгадывая задачи врага.

См. «Военный Сборникъ» № 6.

— Пустое! Далеко не пойдутъ! Это не то... Вотъ только Синлунчжуань немного тревожить...

Отъ I—на прѣзжаетъ офицеръ.

— Ваше превосходительство, войсковой старшина I—нѣ приказалъ доложить, что онъ отступилъ подъ напоромъ непріятеля и просить сообщить, что у насъ передъ фронтомъ?...

— Какъ сообщить?... Николай Владиміровичъ, — вѣдь они же сами должны знать, что передъ ними дѣлается?

— Такъ точно, в. пр—во... тутъ какое то недоразумѣніе.

— Что-жъ мы ему отвѣтимъ?

— Вернуться?

— Да вернуться! Передайте, поручикъ, полковнику, что я приказалъ двигаться снова впередъ.

Въ 9 часовъ уже приносятъ телеграмму, что Синлунчжуань, центральный пунктъ сторожевого охраненія, вѣчно переходящій изъ однѣхъ рукъ въ другія, занятъ японцами въ 8 ч. 15 минутъ.

Непріятельская горная батарея бросила пять шрапнелей.

Генераль встревоженъ.

— Господа, мы выѣзжаемъ впередъ! Сѣдлатъ лошадей! Укладывать вещи!

Мечутся деньщики, набиваются вьюки, сѣдлаютъ и моего коня. Батарея коннаго дивизіона выѣзжаетъ на позицію около города, самъ генераль и штабные офицеры уже ходятъ во всемъ снаряженіи, и только великій тактикъ — деньщикъ Н. Н. М., молодчина Ивановъ, шепчетъ мнѣ, собирая мои вещи.

— Не извольте беспокоиться, в. в., черезъ часикъ, другой опять разберемся.

Проходитъ еще полъ часа; и его слова начинаютъ сбываться: одно за другимъ, съ гелиографа и съ казаками, приходятъ донесенія, что японцы остановились, японцевъ мало, японцы отступаютъ.

Является казакъ.

— Ты откуда?

— Съ самой заставы, в. пр—во.

— Утромъ, когда наступали, видѣлъ?

— Такъ точно, в. пр—во. Они подкрались къ намъ за ночь, мы были въ деревушкѣ, три человѣка, въ разѣздѣ, они по насъ какъ хватаютъ залпомъ, — лошадь у меня на дыбы, перекинулась...

— Убили?

— Никакъ нѣтъ, в. пр—во, только напужали здорово. Я какъ свалился да въ гаолянъ! Ползу, а они въ догонку палать, — только утекъ и коня изловилъ.

И этотъ человѣкъ, только что выскочившій изъ рукъ самой смерти, хохочетъ, а мы всё слушаемъ такъ, точно это веселый и забавный случай и только!

Ну что же японцы?

— Подались назадъ, в. пр—во.

Генеральнаго штаба подполковникъ С., начальникъ Синлунчжуанскаго участка, доноситъ, что японская артилерія прекратила огонь, онъ рѣшаетъ взять деревушку обратно и проситъ, чтобы В. поддерживалъ его съ лѣваго фланга.

Посылають М.

— Поѣзжайте къ В. и скажите, чтобъ открывъ огонь изъ своихъ двухъ орудій. М. исчезаетъ въ минуту, но донесенія уже показываютъ, что японцы не могли не уйти: слѣва и справа отъ Синлунчжуана заставы уже вернулись на свои старыя мѣста, и молчатъ только С—нъ. Меня вызываетъ къ телефону Н. А. Б.

— Б. Б., вотъ въ чемъ дѣло... какое положеніе дѣла? Командующій ждетъ донесеній...

— Было съ разсвѣтомъ наступленіе по всему фронту отряда, довольно дружное, но съ малыми силами. Теперь повсюду отбиты, посты возвращаются на обычныя мѣста. Раненыхъ человѣкъ 10 — 15.

— Синлунчжуанъ взять обратно?

— Донесеній нѣтъ, но убѣждены, что иначе быть не можетъ: сосѣдніе посты уже стали южнѣ.

Но Синлунчжуанъ навѣрно взять, потому что Ивановъ уже раскладываетъ мои вещи, вся суматоха стихаетъ, деньщики накрываютъ на столъ, и генераль, мрачный все утро, начинаетъ улыбаться, а Н. В. Кр—ій уже толкуетъ надъ картой объ усиленной рекогносцировкѣ 1-го августа и вырабатываетъ детали съ будущими начальниками колонъ Ор—мъ и командиромъ Мценскаго полка полковникомъ Тюбукинымъ.

Садимся обѣдать, но все еще не совсѣмъ спокойно—М—ра нѣтъ. Но вотъ и онъ въ ту минуту, когда генераль поднялся изъ за стола. Какъ всегда привѣгливый, свѣжій, спокойный.

— В. пр—во, Синлунчжуанъ давно уже занятъ обратно! Утромъ туда ворвались японцы, у нихъ было двѣ роты, у насъ одна, сошлись на штыки положили ихъ чел. 30, но затѣмъ отступили, потерявъ чел. 10 не больше; взяли винтовку, фуражки, много мелочей..

Теперь всё вернулись на мѣсто.

И такъ все кончено. Японцы сдѣлали развѣдку, узнали, что мы стоимъ на мѣстахъ, не захватили ни одного человѣка и вернулись назадъ.

Мнѣ кажется, что они сильно сыграли намъ въ руку: мой вчерашній знакомый солдатъ услышитъ сегодня же, что «замирения» нѣтъ и что японцы виноваты больше, чѣмъ казаки въ поддержаніи боевыхъ отношеній. А 1-го августа солдаты охотнѣе пойдутъ съ отвѣтнымъ визитомъ.

Въ Цулюшу уже доставлены раненые; вечеромъ назначены похороны убитаго солдата съ военными почестями, а къ ужину вызвана музыка, чтобъ отпраздновать отбитую атаку въ день рожденія атамана всѣхъ казачьихъ войскъ.

Покуда всѣ идутъ на отдыхъ, и штабъ засыпаетъ послѣ тревожнаго утра. Такъ быстро здѣсь смѣняются одно другимъ настроеніе отъ тревоги до праведнаго сна, отъ горя надъ смертью до веселья.

За дневникъ приходится браться нѣсколько разъ въ день, какъ за записную книжку, иначе по вечерамъ невозможно успѣвать—такъ много надо записывать.

Николая Владиміровиче разбудили послѣ обѣда раньше, чѣмъ онъ назначилъ, и подали пакетъ отъ полковника Г. съ «трофеями» развѣдочнаго характера: залитыя кровью японскія письма, споротые съ рубашекъ убитыхъ лоскутки съ именами полковъ и солдатъ съ литографированной прокламаціей на русскомъ языкѣ:

ПРОКЛАМАЦІЯ.

„Милостивыя Братцы и Герои въ дальнемъ востокѣ! солнце зашло со сѣвѣрь-запада и затемнело весь востокъ, пролитомъ кровью нашихъ юноши и старики, по винѣ нашихъ то, что дремливы и ленивы, въ это время возбудило насъ сіяніе утренняго солнца; Братцы время бросать отъ себя сонъ Ига, сонъ тяжесть отъ нашихъ Тираны; Берите себѣ примѣръ отъ другіе народы какъ во Франціи; Братцы соединитесь молодыхъ и старыхъ людей, будетъ выбрать опытныхъ людей за правитель чтобы не было ошибки какъ послѣдныя, что мы даромъ теперь плотимъ кровью изъ нашихъ юноши и старики, зачемъ намъ эта война? для насъ никакого значенія не имѣеть, а мы проливаемъ дорогого кровью зря и теряемъ жизнью, мы должны подчинятся къ угнетенію правительства для насъ какая это служба!? Время Братцы соединятся крѣпко нашими послѣдніи силамъ и дать отпоръ нашихъ виновники которыя водили до послѣдняго страданія и, если еще въ скоромъ времени не будетъ окончанія войны то намъ надо поднять кровавыми мѣромъ противъ тѣ, которыя желаетъ продолженіе безъ цѣльную войну; Бросимъ отъ себя Ига выгонимъ отъ нашей родины туманную погоду чтобы было чистый воздухъ и мы легко дышемъ, мы будетъ избрать за правитель изъ народы, которыя насъ болѣе, не вести въ отчаянномъ и печальномъ положеніи. Утраченный расходъ по крайней мѣре столько можно было выдержать государство съ 300 миліономъ жители, гдѣ эти громадныя деньги однако въ карманъ нашихъ правительственныхъ людей; Вотъ фактъ зачемъ застрѣлились генераловъ управляющимъ интендантствомъ и зачемъ убили князь Сѣргей!? Для на-

роды ничего не сдѣлано а налоги со дня за днемъ добавляется мы до какого степени достигаемъ къ мученію.

Пора Братцы бросать оружіе и сдѣлать конецъ войнѣ и прїедемъ въ Россію и тамъ низложимъ Мучники и Тираны и уничтожимъ Казачье Правительство.

Да здравствуй свобода!

долой Тираны долой Самодержавы

здораствуй свобода!

Изданія обществомъ Русскаго Соціального Революціонера.

Центральный комитетъ въ С.-Петербурѣ».

Прокламація очень много говоритъ сама за себя: преодолѣвъ безграмотность, Вы слышите въ ней цѣлый рядъ отголосковъ чьей то обширной программы борьбы, о которой мы не догадывались, начиная войну. Я вижу въ ней если еще не союзъ Японіи съ «Русскимъ Соціальнымъ Революціонеромъ»—то, по крайней мѣрѣ, тяготѣніе одного къ другому двухъ нашихъ враговъ.

Въ 6 часовъ хоронили убитаго охотника Тарусскаго полка. Мы выѣхали въ летучій госпиталь Краснаго Креста (въ которомъ служитъ и славный Добржинскій) втроемъ съ генераломъ и Н. В. Кр-мъ. Все уже было готово къ выносу. Во дворѣ стояло одно отдѣленіе Мценскаго полка съ оркестромъ, много офицеровъ и громадная толпа солдатъ и казаковъ; передъ входомъ въ фанзу на санитарныхъ носилкахъ покоился гробъ безъ крышки, съ накинутымъ саваномъ—бѣлой простыней и красивымъ вѣнкомъ изъ яркихъ цвѣтовъ—тѣхъ самыхъ, какими я любовался, когда ѣхалъ сюда. Священникъ кончалъ панихиду; подняли гробъ, впереди на головахъ два солдата вынесли крышку, и подъ звуки «Коль славень» процессія тронулась въ городъ.

Былъ веселый, жаркій день, улица полна солдатъ и китайцевъ все бросилось по сторонамъ и за нами...

Мы вышли за городъ и скоро остановились за паркомъ конной артилеріи, гдѣ бѣлѣли уже два креста, и виднѣлась кучка рыхлой земли изъ новой могилы.

Гробъ поставили на краю, и, не открывая лица убитаго изъ подъ бѣлаго савана, священникъ началъ длинное отпѣваніе. Солдаты молились горячо и скорбно и тотчасъ послѣ начала службы стали передавать одинъ черезъ другого монетки; деньги доходили до ближнихъ у гроба, и тѣ ихъ клали на саванъ рядомъ съ лицомъ. Были солдаты, которые клали, подходя, какую нибудь крупную монету и долго и неумѣло отсчитывали «сдачу» изъ общей кучки... Какой то, навѣрно запасной, рыжебородый солдатъ, стоя у самаго гроба, собралъ въ пригоршню всѣ деньги и началъ ихъ громко считать, такъ что голосъ его «рупъ шезьдесятъ семь... рупъ семьдесятъ

двѣ»... раздавался такъ же ясно, какъ слова священника. Въ пережку со счетомъ онъ истовѣй всѣхъ крестился и клалъ глубокіе поклоны... Это деньги «на причтъ». Много и хорошаго въ этомъ обычаѣ, вѣдь это собственно жертва въ память ближняго, чистая и высокохристіанская, но сколько и грубаго, оскорбительнаго дисонанса съ богослуженіемъ! Когда то мы поднимемъ народъ до гармоніи и сумѣемъ ли, сохранивъ его святыя побужденія, направить ихъ такими же высокими путями...

Кончили отпѣваніе, забили крышку, побросали земли, засыпали и водрузили новый крестъ со скромной надписью: «287 Тарусскаго пѣх. полка охотникъ Васкинъ».

Мы возвращались верхомъ, за нами шла музыка и играла обычные марши...

Къ ужину музыка снова явилась въ штабъ и играла на дворѣ, но за столомъ веселья не было. II генераль, и дѣльный полковникъ Т., и Ор-й, и Кр-йй—всѣ были серьезны и задумывались надъ тѣмъ, что насъ ждетъ въ ближайшіе дни.

Донесенія и телеграммы приходили до вечера, выясняя подробности боя, и чувствовалось, что дѣло было серьезнѣй, чѣмъ мы думали. Наступленіе было и правѣе—на кн. Орбеліани, и влѣво отъ насъ на 2 и 3 Сибирскіе корпуса 1-й арміи. Должно быть начинаютъ сбываться мои ожиданія, что мирные переговоры безъ перемирія—не могутъ идти безъ ударовъ «для устрашенія» на помощь своимъ делегатамъ конгресса. Такъ было при Петрѣ Великомъ, когда мы добивали Швецію во время Аландскаго конгресса... Доходить подробности и нашего боя—все растутъ потери—убитыхъ уже два, за ужиномъ входитъ казакъ и докладываетъ Кр-му.

— В. в. принесли еще четырехъ убитыхъ—куда прикажете складывать?

Докторъ Краснаго Креста отвѣчаетъ — несите ужъ къ намъ, завтра посмотримъ, а имъ все равно гдѣ лежать!..

Музыка играетъ попури изъ «Гейши».

Какая смѣсь! Какая жестокая, дикая жизнь! Тѣ, кто не были здѣсь, подумайте, чѣмъ тутъ живутъ, что не примѣтно ложится на душу, что отзовется послѣ войны...

Говорять, что стрѣлковыя роты желѣзной бригады, въ Синлунчжуанѣ дивно дрались и держались, отбивая атаки штыками, что имъ рано приказали отойти, что стоило подержаться подольше, Синлунчжуанъ былъ бы охваченъ, были бы плѣнные.

Князь М. рассказывалъ, какъ два солдата тащили раненаго японскаго офицера и, попавъ подъ пули, добили его и бросили...

Довольно записывать! Поздно, всего не расскажешь, да и безсвязно пишу,—все отрывки. Только думаю, что и они набросали общую картину боя, какъ она раскрывается первому штабу.

Завтра она же откроется большому штабу, въ гладкой реляции, широкая, ясная и невольно красивая.

Мы ждемъ, что дѣло не кончилось и что ночью же японцы тронутся снова и размахнутся покрѣпче.

Вечеромъ я спрашивалъ своего Каргина.

— Ну что говорить солдаты насчетъ замиренія?

— Теперь замолчали в. в.! Вчера все спрашивали: «что вы—миръ привезли»? А теперь говорятъ: «вотъ тебѣ и миръ отъ японцевъ». Поняли всѣ, в. в., что одинъ только обманъ, что пишутъ въ газетахъ про замиреніе.

Это хорошій результатъ японской развѣдки.

Нѣтъ день еще не кончился, надо снова писать! Часовъ въ 11 вечера Кр—ій написалъ диспозицію въ окончательной формѣ и докладывалъ ее генералу.

Грековъ слушалъ внимательно, спрашивалъ объясненій, совѣтовался и дѣлалъ поправки. Они толковали до часу ночи, но Кр—ій сидѣлъ за работой до 5 ч. утра.

31-го июля. Ночь прошла совершенно спокойно, японцы не шелухнулись.

Все утро проходитъ въ послѣднихъ распоряженіяхъ.

Вызванные офицеры переписываютъ для своихъ колоннъ и частей диспозицію; заѣзжаютъ начальники, которымъ предстоятъ главные роли, и всѣ все пишутъ, пишутъ, пишутъ безъ конца. Я на свободѣ поднимался на крышу посмотрѣть на гелиографную станцію.

Какая это прелесть! Дальность до 30 верстъ; днемъ зеркала, ночью лампы Манжена; легкость, подвижность, простота, неизловимость для перехвата, быстрота передачи. И сравнить съ этимъ громоздкій, сложный, капризный, медлительный полевой безпроводный телеграфъ.

Пока онъ дѣйствуетъ на 30 верстъ,—единственнымъ пунктомъ для выгоднаго въ его пользу сравненія съ гелиографами остается «отказъ въ работѣ». Но и то: гелиографъ отказываетъ: днемъ—когда закрыто солнце, ночью—въ дождь и туманъ; безпроводный телеграфъ: 1) при неисправности машины и машинистовъ; 2) часа за два до начала и два по окончанія грозы; 3) въ присутствіи та-

кихъ же станцій у непріятеля. Если сумировать эти «отказы» на практикѣ, пожалуй и въ этомъ пунктѣ преимущество останется пока за гелиографомъ, не говоря уже про всѣ остальные, гдѣ ихъ нельзя и равнять.

Къ обѣду изъ штаба пріѣхалъ еще одинъ гость ординарецъ Г. А. З. За обѣдомъ мало говорятъ о предстоящемъ дѣлѣ.

Но это не тяжелая мрачность, напротивъ это скорѣе привычка къ боевымъ передрягамъ и такое же чувство къ развѣдкѣ, какъ къ мирному маневру. Генералъ спокоенъ, офицеры шутливы, разумный Т. говорливъ и веселъ и много и хорошо толкуетъ о военномъ дѣлѣ. Говоря со мной, онъ горячимъ добрымъ словомъ помянулъ покойника П. А. Разгильдѣва, съ которымъ работалъ вмѣстѣ въ комисіи по выработкѣ новаго строевого устава.

Послѣ обѣда всѣ отдыхаютъ и запасаются сномъ на бессонную ночь,—съ полуночи все придетъ въ движеніе. Приходятъ донесенія отъ частныхъ начальниковъ съ ихъ приказаніями по колоннамъ, являются съ рапортами о прибытіи носилокъ, санитарнаго полутранспорта, кому надо спрашиваютъ послѣднія указанія.

Кажется все приготовилось.

Итакъ съ разсвѣтомъ начнется усиленная развѣдка на 40 верстномъ фронтѣ; въ центрѣ на 20 верстахъ отрядъ генерала Грекова, справа на 12-ти князь Орбеліани, влѣво 2 версты I—нъ и 3 версты войсковой старшина Оренбуржецъ III.

Общая цѣль—въ 3 ч. 30 м. ночи, передъ самымъ разсвѣтомъ, перейти свою линію сторожевыхъ постовъ, подойти къ японцамъ, сбить ихъ посты и заставы, занять деревни, пробиться за первые окопы, захватить побольше плѣнныхъ, разглядѣть укрѣпленныя позиціи, сдѣлать кроки, удержаться до удобнаго момента и вернуться назадъ.

Всѣмъ фронтомъ собственнаго отряда генерала Грекова командуетъ полковникъ Ор-ій, начальникомъ штаба Н. Н. М. Главная ударъ и главная сила идетъ по Мандаринской дорогѣ отъ Синлунджуана на Саншилипу, сѣверную Эршилипу и южную, занятую японскими резервами сторожевыхъ постовъ. Колонна подъ командой полковника Т.:

Св. отрѣлк. б-на (4 стр. бригады)	2 роты.
285 п. Мценскаго п.	4 „
1/2 сот. 4-й сотни 10 Оренб. к. и.	1/2 сотни.
1/2 команды конн. ох. 285 п. Мц. п.	1/2 ком.
11 конн. бат.	6 ор.

Всего 6 р., 1/2 ст., 1/2 ком. к. ох., 6 ор.

Вмѣстѣ съ этой колонной, лѣвѣе на версту, по колонному пути идетъ другая боевая колонка есаула С.

Св. стрѣлк. б-на (4 стр. бригады)	1 рота.
285 п. Мценск. п. пѣш. ох.	1 „
1/2 сот. 5 сотни 10 Оренб. каз. п.	1/2 сот.
1-й Стрѣлк. бр.	2 пулем.

Всего 1 р., 1 ох. ком., 1/2 ст., 2 пулем.

Фронтъ обѣихъ этихъ колоннъ займетъ вѣроятно 2—3 версты.

Вправо отъ Т.—на 10 верстахъ для развлеченія непріятели и охраны отъ флангового удара развѣзды и походныя заставы Оренбургскихъ казаковъ, стрѣлковъ и охотниковъ. Еще правѣе ихъ, на правомъ флангѣ отряда—конный отрядъ казака полковника Г.—4 1/2 сотни 11 Оренб. полка и 6 вьючныхъ пулеметовъ,—онъ держитъ связь съ Орбеліани и направляется охватомъ за первыя линіи непріятельскихъ постовъ. И, наконецъ,—влѣво отъ С. конный отрядъ полковника В.—3 1/2 сотни 10 Оренб. каз. полка съ 6 вьючными пулеметами и пѣшая охотничья команда 14 Стр. полка; назначеніе этого отряда—связь съ I-мъ и «развлеченіе и охраненіе» развѣздами и заставами 8-верстнаго интервала между нимъ и С.

Грековъ со штабомъ, съ ними и я, будемъ въ Синлунчжуанѣ.

Въ общемъ, какъ видно изъ моей передачи диспозиціи, развѣдка будетъ сдѣлана на громадномъ фронтѣ слабыми, какъ щупальцы жука, и разбросанными частями.

Въ 7 ч. вечера Цулюшу уже окруженъ постами одного баталіона Мценскаго полка, чтобъ ни одинъ китаецъ не могъ пробраться къ японцамъ и сказать имъ раньше времени, что готовится ударъ.

Въ половинѣ восьмого съ нами распрощался и выѣхалъ къ своей колоннѣ полковникъ Т. Прощаешься и думаешь...

Я смотрѣлъ въ окно, какъ онъ садился на лошадь, и ждалъ, что перекрестится,—и не ошибся: это ужъ такъ по завѣтному.

Полковникъ Т. самъ пріѣхалъ въ отрядъ, хоть его штабъ и въ тылу, когда узналъ, что баталіонъ его полка пойдетъ въ бой; и будетъ командовать «колонной» въ 6 ротъ. О немъ говорятъ, что ходитъ самъ въ цѣпи.

Поужинали, выпили тихонько, чокаясь съ генераломъ, за большой успѣхъ съ малыми потерями; распрощались съ Ор-мъ и М. и разошлись отдохнуть. Въ часъ по полуночи лошади будутъ готовы...

Заговоръ конченъ. Чувство похожее немного на то, которое испытывалъ на охотахъ съ товарищами, когда облава обдумана и номера разобраны.

Только звѣрь пострашнѣе,—вернутся не всѣ...

31-го іюля—1-го августа. Мы легли въ 10 часовъ. Не знаю, какъ спалось Н. В. Кр-му и Г. А. З., но мнѣ пришлось сдѣлать не мало усилій и долго думать о «черной точкѣ», чтобы усыпить себя хоть этимъ гипнозомъ.

Для меня вообще тѣмъ труднѣе заснуть, чѣмъ короче данъ срокъ для отдыха, въ этотъ же вечеръ воображеніе мучило всевозможными картинками и долго не давало покоя.

Въ часъ я проснулся. Надъ Н. В. Кр—мъ стоялъ его деньщикъ туповатый Дворакъ и «будилъ» его такимъ шопотомъ «чтобъ баринъ не проснулся».

Мы изготовились быстро. На штабномъ дворѣ была полная тишина, конвойные казаки спали у своихъ спокойныхъ лошадей. Ночь была теплая, лунная, звѣздная; надъ фанзой, которая видна изъ моего окна, уже свѣтилось «Утиное гнѣздышко» и холодный Юпитеръ и новая звѣзда на этомъ небосклонѣ—тревожно мигавшее очко Манженовской лампы,—она передавала какое то послѣднее слово отряду Орбеліани.

Безъ четверти въ два часа ночи къ намъ вышелъ генераль, привѣтливо и шутливо пожелалъ «покойной ночи» и объявилъ, что пора выѣзжать.

Въ городѣ было тихо—точно всѣ вымерли; но трудно сказать: была ли это тишина невѣдѣнія, что черезъ нѣсколько часовъ разразится на поляхъ Цулюшу военная гроза, или привычка къ русско-японскимъ грозамъ: многострадальный Цулюшу уже принялъ боевое крещеніе,—съ разбѣга послѣ Мукдена его заняли было японцы, затѣмъ взялъ съ боя Мищенко, теперь въ немъ царствуетъ Грековъ и, до поры до времени, держать въ рукахъ его дальнѣйшія судьбы. Мнѣ показывали въ центрѣ города кумирню съ ажурнымъ конькомъ, пробитымъ нашимъ снарядомъ; рядомъ со штабнымъ дворомъ на ханшинномъ заводѣ есть фанза, въ которой были убиты шрапнелью два японскихъ офицера генеральнаго штаба съ двумя писарями; у южнаго выѣзда видна кумирня, приведенная японцами въ оборонительное состояніе съ рядами бойницъ въ каменныхъ стѣнкахъ; поперекъ улицы еще виднѣются слѣды окоповъ...

Тотчасъ за городомъ насъ опросили на посту, и мы выѣхали въ поле. Впередъ пронесся разѣздъ, по обѣ стороны дороги зашелестьли въ гаолянѣ конные дозоры, за генераломъ ѣхали человекъ 8 постоянной и случайной свиты и полусотня казаковъ.

Но почему то у всѣхъ на душѣ было такъ спокойно, что намъ казалась излишней эта безусловно необходимая охрана. Должно

быть, ужъ очень было свѣтло, да и знали всѣ, что *мы* наступаемъ—значить страшно *ему*.

Ночь была удивительно красива; Фламарионъ сказалъ бы, что восточное небо было въ эту ночь во всемъ великолѣпнн своихъ лучшихъ украшеній: къ западу склонялась, все больше желтѣвшая, подходя къ горизонту, полная луна, наполняя свѣтомъ мракъ и не вызывая ни ясныхъ контуровъ, ни красокъ; съ востока изъ за цѣпи горъ поднимались все выше и выше Плеяды, Персей, Капелла, Орионъ и ихъ рѣдкіе именитые гости—величественный Юпитеръ и красавица Венера. Впереди шаговъ на двѣсти раскрывалась и пропадала въ полумракъ хорошо притоптанная конями казачьихъ разъѣздовъ дорога и черезъ бугры и овраги уводила все дальше въ ту широкую долину, гдѣ разыграется бой и гдѣ крадутся уже къ передовымъ постамъ наши колонны. Намъ то не жутко, но «тамъ»—я знаю, какая стоитъ у всѣхъ на душѣ неотвязная и тревожная мысль: кто первый откроетъ—они или мы?

Въ 10 верстахъ къ югу отъ Цулюшу при вѣздѣ въ д. Синлупинъ навстрѣчу показались какіе то всадники.

Впереди послышалось нервное.

— Стой! что пропускъ?

— Мушка... свои.

Къ генералу подъѣзжаетъ съ рапортомъ начальникъ средняго участка сторожевыхъ постовъ, гость изъ штаба 6 корпуса, генеральнаго штаба подполковникъ С. и докладываетъ, что у него все тихо и спокойно; колонна Ор—го только что прошла черезъ посты.

Ровно въ 4 часа мы вѣхали въ Синлунчжуанъ, въ которомъ 48 часовъ передъ тѣмъ разыгралась ночная схватка и водворились было японцы. Въ деревнѣ и впереди все было тихо. Въ одной изъ первыхъ фанзъ уже устроился перевязочный пунктъ, виднѣлись наготовѣ носилки и хлопоталъ высокій студентъ — санитаръ.

Генералъ рѣшилъ обождать здѣсь до свѣта, мы отдали лошадей и вошли въ свободную половину брошенной фанзы. Посерединѣ, между канами стоялъ столъ съ китайскимъ свѣтильникомъ и три деревянныхъ кресла; въ темныхъ углахъ и на канахъ была набросана грязная солома, какіе то черепки и обломки, все выглядѣло картиной безобразнаго и дикаго погрома; и страннымъ контрастомъ, не боясь пришельцевъ, по канамъ бѣгали бѣлые кролики—последніе жильцы изъ хозяйства какого то несчастливаго «ходи».

Грековъ и Кр-ій сѣли въ кресла, въ третье посадили меня, какъ старшаго гостя, изъ полумрака вырисовывались другіе офицеры, кто на канахъ, кто завалились на солому. Генералъ смотрѣлъ задумчиво, благодушно, но видно было, что всѣ мысли его тамъ, впереди, и онъ точно прислушивается, не началась ли перестрѣлка, не скачетъ ли кто съ донесеніемъ. Кр-ій въ курточкѣ «хакки», съ торчащимъ изъ бокового кармана письмомъ отъ жены, котораго онъ не можетъ дочитать уже нѣсколько дней за рабочимъ недосугомъ, въ заломленной на затылокъ енотовой папахѣ, сидитъ, глубоко откинувшись на изогнутую спинку кресла; онъ улыбается, говоритъ шутливо весело, но тонкіе пальцы когда то выхоленной руки, нервно перебираютъ по столу и выдаютъ, какъ дорого дается это внѣшнее спокойствіе.

Сначала читаютъ «диспозицію», отданную есауломъ С. по его «колоннѣ» изъ 1½ ротъ, ½ сотни и двухъ пулеметовъ. Написано дѣльно, сознательно, задумано хорошо, но мы все «пишемъ, пишемъ»,—въ диспозиціи 3½ страницы!

— Хорошо сообразилъ, говоритъ генералъ,—офицеръ надежный, только все это на словахъ бы...

Потомъ заговорили о постороннихъ вещахъ, о Варшавскихъ знакомыхъ, о маневрахъ и не говорили только о томъ, о чемъ всѣ думали въ эти томительныя минуты. Да больше о «томъ» серьезнымъ людямъ толковать не подобало,—что умѣли, то сдѣлали, что упустили—того не вернешь, а гадать—не достойно. Такимъ по крайней мѣрѣ мнѣ показался тотъ тонъ, который строго *выдерживали* оба руководителя боя.

Б. Адамовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

